

Бомбей

Рассказ

1.

Истошный крик среди ночи:

— Почему ты послал меня на хрен?

Вечная тема, русский вопрос.

"Вас уже давно всех послали, идиоты, — думает Терлецкий. — Где базар, у газовиков?"

Русский вопрос остался без русского ответа. И гаражные собаки не лаяли. Днем они валяются на стекловате, а ночью лучше не шляться возле гаража. Недавно водитель молоковозки забыл в машине хлеб, вернулся в гараж с темнотой, так его лохматые на крышу кабины загнали.

— Нет, я хочу знать, почему он меня послал? — с пьяной задержкой.

В комнате администратора щелкнул замок. Остановилась перед его дверью, но не постучала. Администратор, чуть что, к нему бежит, как в дээндэ, он в сельской гостинице старожил.

Терлецкий поднялся, стараясь не разбудить сварщика Алексеева.

— Так ты меня еще ложишь начальству? — упрекает в пространство, не поворачиваясь, Алексеев.

— Если участковый подтвердит, что ты украл нержавейку, пойдешь под суд, — обещает Терлецкий.

— Я тебе ночью голову отрежу. Ты со мной будешь бояться спать в одном номере.

— Извините, — говорит администратор. — У вас в комнате койка свободная? Мужчина просился переселить, он до немецких комбайнов приехал.

Терлецкий ожидал увидеть шеренгу одеревеневших кирзачей, расквашенные носы, домино по полу, обычно монтажники самый роскошный номер превращают в бытовку, — а за столом мирно играют в шахматы.

— Почему вы спать не даете людям, — выговаривает дежурная с ударением на последнем слого.

Шахматист поднимает голову, в предглазьях синяки, сразу два. Приварили, видимо, аккуратно в переносицу, кровоподтеки в желтом ореоле придают лицу животное выражение, шахматист похож на Панду.

— У тебя цугцванг, — объявляет Панда сопернику. — Любой ход ведет к проигрышу, — и уже Терлецкому: — Скажи!

Панда бригадир на лесоповале. Пригнал на станцию два вагона леса, напился, и местные сопляки его крепко избили. Когда очнулся, пришел к Терлецкому в номер жаловаться.

— Что же это творится? — сказал. — Кровь уже качают.

Задрал рукав, и показал анонимный укол в вену. Как в фильме ужасов.

— Сколько эта пьянка может продолжаться, Ленья? — журит администратор.

— Пусть сначала скажет, почему он послал меня на хрен? — настаивает Панда. — Потому что он полковник?

У третьего, под стеной, на ушах одеяло, но явно не спит.

— Будете выражаться, пойду до председателя, — обещает администратор. Дядю Ваню здесь боятся.

— Так берешь пилу "Урал"? — спрашивает Панда у Терлецкого. Он считает его шабашником. — Даю в запас четыре алмазные цепи. Есть три церкви под ключ. Одна — в Радостном, вторая в Силовке... — он загибает рабочие пальцы. Ему надо сбыть лес.

Лежавший садится.

— Ради бога, переселите куда угодно! — просит, блестя золотыми коронками. — Вы же обещали.

Лицо умное и нервное.

— Сдаешься? — спрашивает Панда. — Чистый цугцванг!

— Я выключаю свет, — объявляет администратор.

— Бывают же такие высокомерные люди! — возмущается Панда вслед ушедшему с подушкой полковнику.

Администратор выключает на общем рубильнике автомат и запирает щит трехгранным ключиком. Панда догоняет Терлецкого.

— Говорят, наркоманы заменяют порченую кровь, — делится догадкой. — Может, и мою выкачали на замену?

— А если группа крови не совпадет? — озадачивает его Терлецкий.

Подселенный полковник аккуратно стелит постель, потом ложится, но не спит. Алексеев стреляет у него сигареты и идет курить. Или похмеляться. С вечера он колобродничал с Пандой.

Уже светает. В тишине разливается перестук тяжелой работы, частит, нарастая:

— Дык-дык-дык-дык.

Грузовой поезд спускается под горку порожняком. Когда пустой, гул беспорядочнее.

Долина не отпускает шум, усиливает, во всех селах кажется, что рядом,

а поезд на той стороне измученной, спрямленной экскаватором речушки. Простучал мостик, полез с одышкой по склону, утащил за собой отставшие перестуки.

Теперь не заснуть.

Терлецкий приехал в Коноплево год назад строить консервный завод. Помнит, как хрумкал и рассыпался по пористой глине черный бурьян, когда поднимался на высокую насыпь. Потом шагал по шпалам с оглядкой. Куда прыгать, если нагонит поезд? Тогда они гудели чаще. Чуть не прошел станцию, спрятавшуюся в зелени. Попил из ведра у дежурной.

— Вы бомбей ждете? — спросила. Зовут Симой.

Почему бомбей? В Бомбей заходили с туристами, но Терлецкий на берег не записывался, он шесть лет плавал музыкантом на лайнерах. Напротив станции громада элеватора, слепая, непонятная, как чья-то ошибка. И голубей не видно, засуха.

Сима вышла с жезлом и сказала:

— О, унук ходить почав. Баба, сбьрай на машину.

Бабка сидит, широко расставила ноги. Внук топчется, сжав ручонками ее пальцы. Две девчонки поглядывают в сторону Терлецкого.

— Яка машина? — отвечает баба. — Баба сама, бач, в чем ходыть, — показывает тряпочные тапочки. — Зовсим бабу заштопкалы.

Вскрикнул бомбей. Весь состав — два вагона, пассажирский с матовыми туалетными стеклами и товарный с двумя настезь открытыми проемами.

Бабка взяла внучонка на руки и сказала:

— Махай! Дэ Наталка?

Бомбей мотало, Терлецкий хватался за скобу у проема, ловил девчат, обнимал. Одну, кажется, Каролиной звали. Или Кристиной? Нет, Каролиной.

Долина широкая, просторная. По склонам посадки ярусами, у подножий села чередой срослись, выше на косогоре аккуратно кладбища, как ацтекские знаки, побеленные заборы из плоского бута. Следующая остановка — его. Договорился через неделю на станции под абрикосами, сразу с двумя. Бабушка Каролины живет в невидимом селе за полем сгоревшего подсолнечника, здесь все села в балках. С бабушкой им скучно. Они помахали на прощанье.

Село просыпается с мычаньем коров. Молоковозка проехала, она разводит по хатам сыворотку.

— Вовчык, Вовчык! — кричат.

Терлецкий думал, его зовут, он Владимир. Глянул в окно. На грядках дядя Коля с сапкой, прямо под гостиницей участок колхозного тора дяди Коли.

— Вовчык! — зовет он. В зарослях порыжевшего укропа мелькнул черный хвост с белой кисточкой. Терлецкий видел песика и раньше, но не знал, что он тоже Вовчык или Вовчок.

Воды в гостинице нет с мая. Терлецкий берет банку и идет колодцу. Тезка уже привязан, он отползает на длину веревки и рычит.

— Вы на собаку лляйте, — разрешает дядя Коля. — Лляйте, лляйте. Ты чога гарчыш? — сам окатил пса.

— Вы будете на машдворе? — спрашивает Терлецкий, ему нужна токарная помощь дяди Коли.

— До десяти, пока свет не выключат. Инженеру по немецким комбайнам председатель приказал втулки точить. А зачем той немецкий "Клаас", чи "Цеппелин" нужен? Только ребята забираются. зарплата на "Клаасе" выше, а работа легче. На один немецкий трактор три человека.

Терлецкий возвращается в гостиницу, включает кипятильник.

— Здесь колодец далеко? — спрашивает полковник.

— Дядя Коля будет точить втулки для комбайна? — выясняет Терлецкий. — Он мне в цеху нужен.

— Там работы на десять минут. Боремся с "рацухой". Техника чуткая, если комбайн наткнулся на металл или препятствие какое на пути, компьютер его остановит. Местные же кулибины норовят усилить узлы, чтобы комбайн камни молот. У нас в "эспэ" есть афганец. Он говорит умельцам: "Вы луддиты. Вас стрелять надо".

— Заварка в тумбочке.

— Спасибо. Моя в номере осталась. Попадется же такая дрянь, жизнь отравит. Какой ему еще укол сделали? У нас в Тюмени тоже крепко пили, но без уколов. У меня все вещи в Тюмени остались. Верите, дома тумбочки нет и сделать не из чего.

— Офис вашего предприятия в Германии?

— В Иене, это бывшая ГДР, я там тоже служил. Когда устраивался, думал, язык понадобится. В академии больше допросам учили, — он впервые улыбнулся. — А оказалось, немецкий механик-наставник говорит порусски, в Киеве танковое училище заканчивал.

— Курт, что ли?

2.

Предприниматель Вадик, которого в селе называют принимаемым, топчется перед открытой дверью начальника машдвора Пети. Петя смотрит с кладовщицей Марисабэль и другими женщинами бразильскую мелодраму, отрывать его от телевизора бесчеловечно.

— Петя, — говорит Вадик, — тебе Вовчик Терлецкий расскажет, что будет дальше. Он это фуфло в Бразилии видел. Ты же был в Бразилии?

В Бразилии Терлецкий бывал, но мыльных сериалов не видел. Вадику тоже нужна помощь дяди Коли. Он выращивает на арендованных площадях тыквы, семечки отправляет в Австрию для приготовления препаратов, стимулирующих мужскую потенцию, а тыквы оставляет председателю Ивану Михайловичу. За это дядя Ваня привлекает для уборки школьников, они дурачатся, футболеют тыквы ногами. Терлецкому совсем не весело, его заявление об увольнении из монтажно-наладочного управления не подписано, на нем "висят" материалы, которые немисливо списать. Трубы Алексеев продал на виноградные арки и пропил, пропановые баллоны украли местные луддиты. Луддиты курят возле немецкого трактора, здесь же и Алексеев, Терлецкого он не узнает...

— Вы уже кронштейн приварили? — спрашивает экс-полковник.

— Свет выключали, — врут.

Как раз сегодня планового отключения не было.

Подкатил мужик на велосипеде. Одной рукой в рабочей рукавице рулит, вторая рукавица нанизана на ручку руля, свободной рукой бросает в рот семечки. Остановился послушать базар.

— Куртик, накатай на дядю Колю телегу в офис, — провоцирует Вадик. — У вас в фирме цугцвангов не бывает?

— Курт свой хлопец, — говорит дядя Коля.

— Так вы его не боитесь? — спрашивает Вадик. — Или за немца не имеете?

Курт и есть тот самый немец с киевским танковым образованием. Для дяди Коли стереотип врага — румынский солдат со швейной машинкой за плечами, еще конные калмыки, которые шашками протыкали в Коплево скирды в поисках партизан, Курт в этот ряд не попадает.

На первых порах Курт жил в благоустроенном вагончике. Потом вагончик подожгли, болтали, что муж Машки, Марисабэль. Муж увез детей в Радостное, а Курт переселился к Марисабэль.

3.

После обеда на объект приехали АББА, управляющий Абрамович и начальник участка Басистый.

— Баббит привезли? — спрашивает Терлецкий.

— Какой нужен, семьдесят второй или восемьдесят шестой? — уточняет Абрамович. Не привезли никакого.

— А какой манометр ты заказывал, образцовый? — спрашивает Басистый.

— Краснознаменный имени Александра, — не выдерживает Терлецкий.

Вопросы снабжения саботируются самим же начальством, и не без оснований, платежи дядя Ваня задерживает. Вопросы пола повисли на абрикосах год назад, он так и не выбрался на станцию к Каролине. Вопросы быта дядя Ваня "порешал" в мае. Когда насос оборвался в артезианскую скважину, обитателям гостиницы выдали по оцинкованному ведру для воды. Алексеев в ведро мочится.

— Почему обвязку не переделал? — спрашивает сварщика Басистый.

— А ты мне заплатил? — Алексеев сидит верхом на ферме под крышей, Басистый видит его прожженную подошву.

— Я же тебе сказал, переделать, — включается Терлецкий.

— Да пошел он на хрен! Пусть сам переваривает за Фимку Медника, — Алексеев прерывает диалог снопом искр на голову.

Медник — предшественник Терлецкого, прораб, который вел до него объект в Коноплево, проект несколько раз переделывали.

— Вот клоун был, — вспоминает Алексеев, немного успокоившись. — Приезжает в колхоз: "Вы Медника заказывали?". Те — на жопу: "Какого Медника?". А он: "Инженера Медника, моя фамилия Медник". — "Нет, нет, вас мы тоже не заказывали". Сейчас где-то на Брайтоне посуду моет.

Увольнения Алексеев не боится. Его выгоняли за склочность еще до акционирования монтажно-наладочной шараги. Пару лет Алексеев работал по ремонту котлов. Когда в Коноплево открылись объемы, Алексеева разыскали. Платили сполна только первый месяц, потом Алексеев стал бунтовать, вспоминать "халтуры" на котлах и пить. Когда Терлецкий лишил его квартальной премии, Алексеев крал нержавейку и варил из нее баки для вина. Басистый в короткие наезды уводил сварщика в "рафик" и воспитывал с глазу на глаз. Алексеев, пользуясь моментом, обливал грязью прораба Терлецкого.

Терлецкий проводил АББУ за мясом к дяде Ване, обогнул цех с тыльной стороны, нашел в чертополохе обрезок нержавейки с почерневшей кромкой, прямую улику, и услышал сильный хлопок. Прорвало проклад-

ку на автоклаве, и Алексеев обварил глаза острым паром. Сторож повез сварщика на мотоцикле в районную больницу.

— Что у него? — спросил Терлецкий у врача.

— Вы родственник?

— Его начальник.

— Ожог первой степени.

Врач объяснил, что при помутнении роговицы образуется бельмо. По пути Алексеев попросил остановить у рынка, насыпал сторожу мелочи, тот купил в ларьке стакан вина. Алексеев выпил, смакуя, и спросил:

— У Фроси брал?

Вечером Терлецкий принес в номер ужин.

— Уже темно? — спросил Алексеев.

Заглянул участковый, отозвал Терлецкого в коридор и показал выварку, коряво сваренную не в среде аргона, а электродами.

— Пиши заявление, — сказал. На Алексееве две судимости: одна по малолетке за хулиганство, вторая — грабеж со взломом.

Ночью оглушительно стрекотали цикады. Оба не спали, Алексеев курил, болело. Потом сказал:

— Кажись, командир, твоя очередь идти до хозяина.

Утром в приемной правления сидела женщина.

— У меня-то делов — всего ничего, — пожаловалась, — а все футболать.

Она нервно взрыхлила ключом землю в горшке с геранью.

— Ты, Зина, всю жизнь хочешь прожить на свободе, — услышал Терлецкий голос дяди Вани. — Не получится!

Открылась дверь, и взволнованно вышла главбух, за ней сам дядя Ваня.

— Ну, як, сыльно обварылся? — спросил.

— Ожог первой степени, — Терлецкий развернул рецепт.

— Лекарства достанем, — пообещал дядя Ваня.

На крыльце правления встретил полковника.

— Немца не видели? — спросил он. — Исчез, собака, вместе с трактором. Далеко не уйдет, знаю, где искать.

4.

"Фердинанд", каэспэшный автобус, двигался с остановками, от колодца к колодцу, как по караванному пути. У колодцев шофер брал ведро и шлепал за водой.

— Что, Славик, закипел? — сочувствовали мужики.

До станции не доехали, на перегонке звенело и мигало, по склону спускался бомбей.

— Спывняй! — Славик махал в окно. — Спывняй!

Терлецкий вывел Алексева. Машинист увидел бинты и остановил поезд прямо на перегонке. Алексеев споткнулся о рельс и выругался.

Терлецкий подвел его к телятнику и увидел Панду.

— Что у него с очами? — спросил Панда. В мешке стоял на задних ножках поросенок и истошно орал. — Если берешь пилу, то только с гидроклином.

Из телятника долина, как на ладони. Одна хата сделала смелый шаг к дороге, конек венчает крест, под шелковицей висит кислородный баллон для звона, рядом долговязая фигура в черном. По долине растекаются звоны:

— День-за-днем, день-за-днем.

Станция под абрикосами. Дежурная Сима. Может быть, в последний раз. Дрожащее небо над элеватором и сытые голуби на карнизе. Что там дальше, тюрьма?

— Сима, поддержи красный, — просит рабочий в замызганном жилете.

Из телятника выгружают тележку, сложили на нее пропахший креозотом инструмент. Один берется за косую, как у литовки, ручку и катит тележку по рельсу на закат.

— Допоможить, хлопцы, — просят с перрончика. Та самая женщина, что ждала в правлении.

Терлецкий помогает погрузить мешки с зерном.

— У кого вода е? — спрашивает попутчица весело. Путейцы подают бутылку из-под "Русской". — Целый день голодна, як собака, тильки на вечер выпыла самогонки сто пятьдесят. Нэ знаетэ, почем в городе пшениця?

Откровенничает по-дорожному. С мужем не живет, он пил, аварию сделал, переехал к матери. Детей трое: мальчик семи лет, девочки десяти и пятнадцати. Девочки в интернате, интернат хороший, в сосновом лесу под Котовском. Устроила по благу. Едет в Раздельную, там все-таки милиция, ночь перекантуется в зале ожидания, а утром на базар продавать пшеницу. Детям хочется сникерсов и жвачки.

— А що з чоловиком? — спрашивает она.

— Авария.

— Не дай бог!

У озера поезд замедляет бег. Десант рыбаков. Сначала бросают в вагон велосипеды, мешки, удочки, потом яростно лезут сами. Запахло макухой.

В камуфляжной толпе полковник, вид у него растерзанный, на тельняшку налипла чешуя.

— Угнал фриц трактор, чтоб бредень тащить, — сообщает удовлетворенно, разоблачил Курта, как и обещал.

— А где солярку взял? — рассеянно включаетея Терлецкий.

— На буксире трактор к ставку притащил, буряк же возят на сахарный.

— Что-то вода в ставке упала, — замечает Панда. Полковник узнает его и отворачивается.

— Ставок чистили, — объясняет пожилой рыболов, — содрали со дна глину, подводные ключи затамповали, вода и ушла. Теперь долавливают все, кому не лень.

— Сначала рак дохнет, — говорит Панда, — вся зараза в иле. А рак гибнет и всех заражает.

Бомбей объезжает овраги, выписывает немыслимые зигзаги, низкое солнце заглядывает в окна то с одной, то с другой стороны.

Подсаживаются дачники с урожаем в ведрах.

— Вы не знаете, почем пшеница на базаре? — справляется женщина.

— Сейчас цены по два раза на неделю скачут, — рассуждает новенькая, — мне дочь говорит: "Давай, возьмем телочку, будем брынзу продавать". А кто будет доить? Хватит, я за свою жизнь надоилась. Вы посмотрите, какая земля твердая. Что мне та брынза, я хоть на работе отдохну от нее и зятя.

В мешке снова заходитися поросенок.

— И чего ты орешь? — хозяин гладит мешок. — Я ж тебя не украл.

— Письмо пришло из Иены, — полковник достает из длинного конверта письмо. — Генеральный у нас немец-агроном, профессор. Семьдесят четыре года. Каждое письмо заканчивает: "Пусть погода и успех сопутствуют нам", — Терлецкий видит, как полковник криво улыбається во второй раз.

Мешок с поросенком промок, завоняло.

— А где моя сумка? — Алексеев шарит возле себя.

— Как она выглядела, браток? — участливо спрашивают.

Обычный клетчатый замызганный баул, с каким перемещаются шабашники и любой монтажный люд. Сумки нет. Скорее всего, в каэспэшном "фердинанде" оставили, барахло не пропадет, но крови Алексеев Терлецкому попортит.

— Мало того, что я изувечился в твоём блядском цеху, — выговаривает сварщик, — ты еще мою сумку с документами похерил.

Завтра придется ехать на этом же бомбее за вещами. А если кто-то из пассажиров прихватил? И Панды что-то не видно.

Бомбей останавливается. На соседнем пути пограничники досматривают московский скорый, пассажиры кучкуются у вагонов, бледные, недомольные. Озлобленные таможенники с фонариками и повязками кого-то ссаживают.

— Я вот что думаю, — говорит Панда, он уже тут как тут, — кому было выгодно мне укол делать? Может, в ментовке. Чтоб меня расколоть, пока подогретый? Я налево три куба леса толкнул, а у нас в бригаде работал бывший опер, мог стукнуть.

У ног Панды кулек и клетчатая торба. Терлецкий лезет в нее, находит потрепанный паспорт Алексеева.

— Ты откуда ее принес? — Терлецкий совершенно ошалел.

— А, с пацанами ходил в соседний вагон, они по ошибке прихватили. Это твоя? Звоняйте, хлопцы, — от Панды пахнет вином. — Так ты уже зрячий? — Панда толкает Терлецкого. Алексеев приподнял бинты с правого глаза, чтобы удостовериться. Белок воспален, страшно смотреть. — Тогда за исцеление, — Панда достает из кулька початый двухлитровый пузырь и разливает.

Проходят пограничники.

— Ты где служил? — спрашивает Панда.

— В Кандалакше, — отвечает Терлецкий.

— А я в Марах. Но не погранцом. А ты, Нельсон, где служил?

— В котельной, — освобожденный глаз Алексеев промакивает тряпичей.

— Глаз не жмет? — Панда берет помидор из чужого ведра, потом спрашивает: — Пару помидор, а?

У московского семья, старики стараются выглядеть бодрячками. Терлецкий знает, куда едут в трех поколениях, а проводники московского не обращают внимания, к массовому бегству за кордон привыкли. Билеты до Нового Йорка через Париж Терлецкому придется сдать, если, конечно, примут с потерей, подследственным выезд на ПМЖ заказан. Мать узнает, сляжет. Нужно было раньше бежать, пока музыкантом плавал.

— Такие люди — и на свободе, — Алексеев первым обнаруживает Фиму Медника в толпе у московского. — Фима, а я думал, ты уже в Брайтоне.

Медник замечает Терлецкого, бежит к телятнику, обнимает, жмет локоть Алексееву.

— Цех не сдали? — спрашивает. — Что у тебя с глазами?

— Ты уезжаешь за бугор, — насаждает Алексеев, — а я твою обвязку передельваю...

Медник увлекает Терлецкого в сторонку.

— Вовчик, а ты когда?

— Через месяц, уже билеты на руках, но ты же видишь...

— А третий автоклав не проверяли на плотность? — спрашивает Медник. — Я его не надавливал.

Зажигают зеленый, пассажиры лезут в вагоны, остаются только пограничники с собакой.

— Вот вы — грамотный человек, — обращается Панда к полковнику, — скажите, на хрена нам эти таможни?

Бомбей трогается, потом останавливается, будто споткнувшись, а московский плывет.

— Фима, я желаю видеть тебя на костылях, — благословляет Алексеев, — а чтоб ты меня видел одним глазом, как я сейчас.

Медник натянуто улыбается, за проклятия Алексеева ему неловко перед родственниками.

— Жизнь моя, любовь моя с черными глазами, — декламирует Панда проводнице. — Где пропали, девушка, что случилось с вами?

Проводница замечает желтые фингалы, хохочет. Пассажиры в раскрытых окнах поворачивают головы, даже машут, бомбей выглядит живописно, отъезжающие завидуют им. Фима что-то кричит Терлецкому напоследок слабым голосом, проклятья Алексеева его подкосили, Терлецкий не слышит.

Немного не дотянули до узловой станции. Бомбей стыдливо замирает напротив туалета, как будто своим куцым видом не хочет нарушать железнодорожный пейзаж. Рыбачки дружно опускают велосипеды и мешки. Полковник помогает женщине выгрузить мешки с пшеницей. Панда прыгивает, в кулке булькает. Остается запах рыбы.

Девчонка на перроне предлагает самогонку и сигареты "Жок".

— Сколько пузырь? — приценивается Алексеев.

Терлецкого клонит в сон, две последние ночи спал урывками.

Когда просыпается, в телятнике никого. Ни людей, ни вещей. А в сумке подписанные дядей Ваней акты выполненных работ — будущая зарплата бригады. Где же Алексеев? Видимо, выпил на дармовщинку и сошел с сабутыльниками в Раздельной, чтобы трястись до города в летучке, так дольше, но зато нальют на халяву. Облегченный бомбей резво бежит в темноту, не собираясь останавливаться. Тамбура нет, до пассажирского

вагона, где, наверняка, есть экстренное торможение, не доберешься. Что делать? Терлецкий карабкается по скобам на крышу. Над головой гудят высоковольтные провода, бежит согнувшись, прыгает на пассажирский вагон, нащупывает ногой поручень, срывается и висит на пальцах, ухватиться не за что. Поезд замедляет бег и останавливается возле безлюдной платформы. Терлецкий проникает в вагон, он пуст. В служебном отсеке сидит с проводницей Алексеев. Под столиком сумка Терлецкого.

— Ты прикемарил, — предупреждает скандал Алексеев. — Я торбы забрал, чтоб не сперли, воды захотелось.

— А теодолит? — все-таки взрывается Терлецкий.

— Вот.

Алексеев тащит с третьей полки треногу и нашаривает там спящего старика в железнодорожной фуражке.

— Раждельную проехали? — шепелявит старик.

— Подъем, батя! — командует Алексеев. — Проехал ты свою станцию. Вылезай.

— А где стоим? — старик спросонья вглядывается в узорчатое матовое стекло, через которое и днем-то ничего не видно.

— Брайтон Бич, — Алексеев вытирает бинтами руки, промакнул глаз, пахнет мочой. — Я в армии при котельной служил, смолой обварился, мочой спасался, — объясняет неприятный запах Алексеев.

"И чего же тебе при котельной не служилось? — думает Терлецкий. — Ограбил с двумя солдатами военторг. Какие-то расходные копейки в кассе выгребли, леденцы, водку. Подельник выдал, показал, где закопали добычу, и Алексеев как зачинщик получил шесть лет. Сидел в Барнауле".

— А ты в окружном оркестре служил? — спрашивает Алексеев с издевкой.

— В оркестре, только не окружном. Утром на разводе играли "Прощай, Маруся!", потом на растворный узел.

— Так ты тоже в стройбате?

— В трубопроводных.

— Что ты гонишь? Таких войск нет.

— А где же я служил?

На праздники в клубе обувной фабрики играли. Там как-то Терлецкий выдал: "Идет солдат по городу, с ширинкою расстегнутой...". Девчонки, конечно, рвали животы, но потом бетономешалка для него начиналась уже с развода.

— Потом плавать пошел?

Сначала визу зарабатывал, в цирке играл, у них должность освободилась, тромбониста в ЛТП забрали...

— Я тоже хотел плавать. Отец при сдаче Одессы погиб. Мать замуж вышла... На причал ходил к дяде Мише, он фофан держал. Первого бычка споймает, и за борт. "Иди, — говорит, — до папы". Второго — "Иди до мамы". Потом подзалетел по малолетке... Вот ты — моряк. А как называется дощечка на шторм-трапе?

— Балясина.

— Пароход снится?

— Теперь реже.

— И мне.

Алексеев идет в туалет, он в метре, дверь за собой не закрывает, спрашивает оттуда:

— Ты объяснительную мою написал?

— А чего это я должен писать? Сам напишешь.

— Нет, напишешь ты, а я подпишу.

Бомбей дергается и снова останавливается просто в поле.

— Пока киевский не пропустим, не поедем, — говорит проводница.

Цикады неистовствуют в предчувствии осени. Терлецкий выходит из вагона и бредет к посадке. За кронами акаций музыка, даже женский смех доносится, там прячется село, обозначенное пиками тополей, верхушки их усохли и оголились, как будто ветки пропускали между пальцев, есть такая детская игра "петушок или курочка". Над тополями плывут вытянутые верховым ветром пурпурные облака.

— Чтобы завтра в контору принес объяснительную, — твердо напоминает из темноты Терлецкий. — Иначе больничный не получишь.

Ему сейчас сам черт не брат, вроде бежит по крыше вагона, сутулясь под проводами. Алексеев слышит, но молчит, он сидит по-зековски на корточках у ступенек, просто сидит, курить нечего.

